

СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН

Терапия для янычара

ИГРА В ДОГОНЯЛКИ

Сергей Петросян

**Терапия для янычара.
Игра в догонялки**

«Издательские решения»

Петросян С.

Терапия для янычара. Игра в догонялки / С. Петросян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741485-6

Увлекательный квест для чтения в самолете, поезде и на пляже. Для тех, кто устал от эзотерики и тяжелых дум о судьбе отчизны...

ISBN 978-5-44-741485-6

© Петросян С.
© Издательские решения

Терапия для янычара Игра в догонялки

Сергей Петросян

© Сергей Петросян, 2019

ISBN 978-5-4474-1485-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорят, воспоминания о детских страхах не имеют конкретного воплощения. Есть ощущение тревоги или одиночества среди незнакомых людей, но сама потеря маминой руки в толпе универмага с годами уже не воспринимается как первопричина. В голливудских фильмах только опытные психотерапевты с наклонностями маньяков погружают своих пациентов в гипнотический сон и докапываются в потаенных закоулках души до злого соседского пса родом из детства.

А вот Миша на удивление подробно помнил свой первый серьезный испуг. Ему было три с половиной года, когда родители привели его в Цирк на Фонтанке. Зал был полон и все с нетерпением ждали выступления звезды – Игоря Кио, легендарного иллюзиониста. Миша был в полном восторге от клоунов и дрессированных собак, поэтому появление на манеже напудренного человека в черном фраке большого впечатления на него не произвело. Фокусы со стаканами и коробками требовали концентрации внимания и прошли для трехлетнего ребенка незамеченными – он ждал возвращения клоунов. Но потом красивая тетя улеглась в длинную коробку, и человек во фраке ловко распилил ее пополам.

Миша просто физически чувствовал зубья пилы на своем животе. У них дома в кладовке на гвозде висел похожий инструмент, и однажды отец сильно поранился, наводя там порядок. Мама бинтовала отцу палец, а он болезненно морщился. Потом взял сына за руку, отвел в кладовку и, дав потрогать железные зубья, заставил несколько раз повторить: «Сюда – нельзя!» И вот эта пила с громким звуком вгрызается в красивую тетю, а она только подрагивает концами серебристых туфель, торчащих из отверстий в ящике. Это был шок, и Миша смог немного прийти в себя только когда целая и невредимая ассистентка весело выпрыгнула из ящика на арену. Следующей жертвой напудренного Кио стала другая ассистентка, которую он поместил в высокий бумажный конус, и, взяв в руки пылающий факел, решительно поджег. Бумага вспыхнула ярким пламенем, легкий дымок поднялся под купол, и на постаменте не оказалось никого – тетя сгорела. Что было потом, Миша не помнил. Родители любили рассказывать, смеясь, что впечатлительный сын потерял сознание, и им пришлось уйти с представления, на которое они с таким трудом достали билеты. С тех пор Миша наотрез отказывался идти в цирк, а когда вырос, то испытывал необъяснимую неприязнь к напудренным мужчинам во фраках и развлечениям, связанным с разведением костров и зажиганием факелов.

В третьем классе он с интересом посмотрел кинофильм «Вий», где Леонид Куравлев стойко оборонялся от невообразимой нечисти и Нины из «Кавказской пленницы», летающей в гробу по деревенской церкви. Одноклассники визжали и залезали от страха под сиденья, мальчишки просто прикрывали глаза, когда становилось совсем жутко, а Миша с интересом смотрел на всю эту вакханалию и размышлял, как же сумели снять летающий гроб так, что не видно веревок, на которых он висит. Зато во время просмотра старого американского фильма «Дракула», увидев знакомый фрак и напудренный лоб, он встал и, бормоча извинения, стал торопливо пробираться к выходу из зала. Пришел в себя он только в фойе кинотеатра, а друзьям, оставшимся в зале, пришлось наврать что-то про внезапную боль в животе.

Традиционный «прощальный костер» в пионерлагере вызывал у пионера Миши сильное желание полежать в одиночестве с книжкой или отсидеться на хоздворе за столовой. Когда же активная пожилая вожатая, категорически заявив: «Все дети должны веселиться!», за руку отвела его на поляну, где уже возвышалась пирамидальная гора из досок, политых керосином, он только обреченно вздохнул и подчинился. Директор лагеря (слава Богу, не во фраке) с факелом в руке направился к костру. Вылитый на доски керосин, частично превратившийся на вечернем солнышке в пар, взорвался с оглушительным хлопком. Разметав пирамиду, он напугал окруживших ее взрослых и детей. Миша успел потерять сознание до того, как увесистая деревяшка попала в лоб девочке из третьего отряда и ее пришлось увести в медпункт. Все обошлось синяком и царапиной, и, по пути домой, в автобусе, все со смехом вспоминали произошедшее, но Миша сделал для себя вывод, что костры и факелы до добра не доводят.

* * *

Честно говоря, такой праздник, как собственный день рождения Мише никогда не нравился. С одной стороны, надо ломать голову над списком гостей. Необходимо принять во внимание, кто с кем в ссоре и кто с кем спит, кто обидится, если не позвать, а кто и не вспомнит. С другой стороны, ему всегда было жаль друзей, вынужденных ломать голову над проблемой подарка. Когда виновнику торжества четвертый десяток, то у него обычно уже есть все приятные бытовые мелочи, а дарить деньги преуспевающему менеджеру как-то не *comme il faut*. Как совместить пожилых родителей с развязными девицами, которых норовят притащить друзья? Проще всего решалась проблема на работе – надо с утра отправить секретаршу за тортами, а потом разнести их по отделам.

На этот раз все складывалось на редкость удачно. Добрая половина списка оказалась в отпуске или в командировке, родители отдыхали в санатории, и даже никого из «нужных» людей в городе не было. На ужин в «Ультрафиолет» пришли только самые близкие друзья. То, что «вечер удался», можно было сказать уже в начале вечеринки. Миша не стал сдвигать торжество на выходные, решив, что если уж попал день рождения на среду, то пусть это и будет среда. Народу в ресторане было немного, не было «пятничного угара», когда все стараются как можно быстрее сбросить с себя накопившееся за неделю раздражение, пьют быстро, говорят все громче и музыка становится все назойливее. Друг Леша, поставляющий вино в «Ультрафиолет», договорился с метрдотелем о том, что спиртное будет «свое», и даже завез накануне пару коробок австралийского шираза. Любимый теплый салат с утиной грудкой подали почти сразу, и оголодавший после работы народ с удовольствием чавкал и довольно урчал, ненадолго позабыв о виновнике торжества.

«Хороший пошел нынче гость. Выпивной, нажористый», – с удовлетворением отмечал Миша, успевший пообедать на работе. Он лениво ковырялся вилкой в тарелке и исподтишка рассматривал спутниц своих друзей. «Новеньких» было две: Гена привел совсем юное создание с пирсингом в носу и синей прядью на пол-лица, а рядом с Лешей сидела холеная женщина лет сорока. Не «красивая», не «эффектная», а именно «холеная». В этой худощавой брюнетке все было подчеркнуто безупречно: легкий загар, идеальный маникюр на ухоженных руках, прическа-каре от дорогого мастера, темная губная помада и тени в стиле Греты Гарбо. Строгий, почти мужской костюм тонкой шерсти и пара колец белого золота (дизайн минимальный – все внимание на камне) довершали образ. Это был тот тип женщины, чей возраст только подчеркивал ее совершенство. Она почти не притрагивалась к еде и с откровенным интересом смотрела на именинника. Было в ее взгляде что-то от художника, который с легким прищуром изучает свою модель прежде, чем приступить к рисунку. Миша, не выдержав пристального взгляда, растерянно улыбнулся и кивнул.

– Хватит чавкать, – прошипел он сидящему рядом Леше. И добавил светским тоном. – Может, представишь меня своей спутнице?

Леха с недовольным лицом оторвался от еды.

– Знакомьтесь, – повернулся он к даме, вытирая рот салфеткой. – Это – мой лучший друг Миша, у которого день рождения, а это – Лариса, психолог.

– Точнее, психотерапевт, – новая знакомая протянула Мише узкую руку на том уровне, когда становится непонятно – надо ее пожать или поцеловать.

Слегка замешкавшись, он все-таки предпочел подержаться за протянутую ладонь.

– Михаил, – представился он. И зачем-то добавил. – Маркетолог.

В это время в дальнем полумраке ресторана началась какая-то суета. Двое официантов в белых рубашках принялись переставлять тяжелый стол поближе к окну. Одновременно на тротуар, почти прижавшись к подоконнику, заехал черный внедорожник. В зал хозяйской походкой вошли два устрашающего вида типа с фигурами цирковых борцов. Одеты они были в одинаковые черные костюмы без галстуков. Один из мордоротов был тщательно выбрит и отливал в синем полумраке лысым черепом. Второй же удивлял набриолиненным ежиком темных волос и щегольской бородкой-эспаньолкой. «Это, наверное, чтобы их проще было различать», – подумал Миша.

Парочка внимательно осмотрела зал, с неудовольствием остановившись взглядом на Мишиных гостей, и лысый что-то сказал в телефонную гарнитуру, пружиной свисающую у него из уха. После этого они встали по обеим сторонам двери, словно гвардейцы на инаугурации Путина.

Через некоторое время в зал вошла пара – благообразного вида мужичок лет шестидесяти с аккуратной седой бородкой и в очках, похожий на университетского профессора, и кукольной красоты блондинка в длинном платье. На вид ей было лет двадцать. «Профессор» бережно вел даму под руку, а метрдотель «Ультрафиолета» бежал, оборачиваясь, впереди и показывал дорогу к столику у окна.

– Это что еще за картина «Неравный брак»? – удивился Миша.

– Волчегурский с молодой женой, – раздался голос Ларисы.

Миша повернулся к ней.

– Это который Волчегурский? – спросил он. – Из Рособоронзаказа?

– Он самый, – кивнула Лариса. – Только теперь этой конторы нет, он на себя работает. Почти все, кто со старым министром пришли, под следствием, а этот – непотопляемый. Еще и женился месяц назад.

Неожиданно она привстала и помахала вошедшим рукой. «Профессор» важно кивнул, а его юная спутница всплеснула руками и, провожаемая встревоженными взглядами мордоротов, подбежала к Ларисе. Дамы трижды поцеловали воздух «между ухом и щекой», взялись за руки, и, откинувшись назад, с умилением оглядели друг друга. Все так же держась за руки, подошли к Волчегурскому.

– Ты где ее взял? – воспользовавшись паузой, решил поинтересоваться Миша.

– Тренинг у нас проводит для руководства. Снятие психологических блокировок, фобии и еще какая-то мутотень. Я прогулял полдня, вот и решил ее развлечь в порядке компенсации, – ответил Леха.

– Виды на нее имеешь?

– Пока не понял. Не девочка уже, вроде, но хороша-а... Впрочем, могу уступить – у тебя же праздник...

В это время Алексей увидел идущую назад Ларису, и разговор пришлось прервать.

– Подругу встретили? – Миша отодвинул стул и помог Ларисе сесть.

– Скорее, клиентку.

– Вы что, и для жен олигархов тренинги проводите? Как убедить коалу, что он – тигр?

– Я, скорее, учу клиентов правильно отдыхать, – улыбнулась Лариса.

– Лежа на кушетке, они рассказывают вам, как в детстве хотели убить свою мать? Это и есть ваш бизнес?

– Я занимаюсь *когнитивно-бихевиоральной* терапией. Если сможете правильно это про-изнести, то с меня одно занятие бесплатно.

– Даже пытаться не буду, – махнул рукой Миша. – Со скороговорками у меня всегда проблемы были.

– Видимо, не только со скороговорками?

– Почему вы так решили? – удивился он.

– Вы пытаетесь улыбаться и шутить, но, судя по невербальным признакам, вас эта тема очень интересует. Видимо, есть проблемы, о которых вы не решаетесь говорить.

Очевидно, у Миши стало вытягиваться от удивления лицо, так как наблюдавший за ним Леха счел необходимым вскочить с бокалом вина и заорать:

– У всех налито? Мы что, сюда жрать пришли?! Предлагаю тост за Михаила – короля маркетологов и маркетолога королей!

– Вы вашего друга с Ван Дейком не перепутали? – ухмыльнулась Лариса.

А Миша все продолжал с удивлением смотреть на нее.

* * *

– Как видите, никакой кушетки для душевных разговоров у меня нет, – Лариса выключила диктофон. – Даже кабинет не персональный – по средам и пятницам здесь гомеопат принимает.

– Да, ничего, – пожал плечами Миша, – уютно так. Вон – и фикус в углу...

– Это – араукария. Михаил, вы действительно считаете, что ваши фобии мешают вам жить? Мы все боимся чего-то. Кто – собак, а кто – летать на самолетах.

– Если бы это меня не беспокоило, я бы к вам не пришел. Вы же сами заметили. Там, в ресторане – невербальные признаки...

– Это могло быть назойливое желание познакомиться и боязнь получить отказ.

– Это тоже. Но заинтересовали вы меня, прежде всего, как профессионал... Ой, простите! Ну, и как женщина тоже, разумеется.

– Хорошо, – Лариса просмотрела свои записи. – Вы можете привести пример того, как фобия делает вашу жизнь неполноценной?

– Пример? – он задумался. – Знаете, еще студентом нас с одноклассницей отправили покупать подарок преподавателю философии. Злобный, надо сказать, был дядька. Вся группа скинулась, чтобы его задобрить. Так вот, пришли мы в Гостиный Двор и приступили к поискам. Скажу честно, нравилась мне эта одноклассница до ужаса, поэтому и вызвался я идти с ней. Стоим мы в отделе часов, сопоставляем наши возможности с ассортиментом. Вдруг слышу – за спиной какой-то хохот театральный. А в те времена на Невском часто появлялся известный городской сумасшедший. В берете, длинном пальто и с белой георгиной в петлице. Ходил, светски улыбался, похихатывал, дамам ручкой делал... Я до этого его только издали видел. А тут поворачиваюсь, а он, по случаю теплой погоды, без пальто. А георгина – в петлице черного фрака. И лицо, оказывается, напудренное. В общем, даже не помню, как я оказался на улице.

– Ну и что?

– А то, что деньги на подарок были у меня. Полчаса мне потребовалось, чтобы успокоиться и заставить себя вернуться в магазин. Девушка, естественно, ушла, решив, что я – странный тип. Купил я первые попавшиеся часы и поскорее ушел из страшного места. Часы потом оказались, скорее, женские – с финифтью; философ решил, что над ним издеваются и совсем озверел; студенты мне хотели морду набить, ну, а девушка, понятное дело, даже здороваться со мной перестала. И ведь никому не объяснишь, в чем дело. Стыдно, да и не поверят, скорее всего. А я ведь себя почти не контролирую, когда вот так, неожиданно сталкиваюсь с напудренным персонажем во фраке или туристы костер начинают жечь.

– Убедили, – Лариса отложила в сторону блокнот, – но прежде, чем мы займемся нашими скучными упражнениями, давайте попробуем поискать хоть какие-то плюсы в вашем сегодняшнем состоянии.

– Издеваетесь? – Миша зло захрустел пальцами. – Ну, разумеется, есть у меня плюс – со мной не скучно. Могу неожиданно исчезнуть и через час найтись в лесу или на соседней улице. Поймите, я почти до сорока лет дожил, а даже отношений постоянных с женщинами у меня до сих пор не было. Так – связи случайные.

– Ну, это в обычной жизни. А вы знаете, что люди, подверженные депрессиям или фобиям, в стрессовых ситуациях ведут себя хладнокровно и рационально? Они каждую минуту готовы к худшему, и когда приходит час испытаний, оказываются на коне.

– Напоминает «Меланхолию» Ларса фон Триера, – вспомнил Миша. – Там шизофреничка-сестра хандрит всю первую половину фильма, зато, когда наступает конец света, все истерят, а она их успокаивает.

– В общих чертах так, – согласилась Лариса. – Только там описан случай тяжелой депрессии, а у вас – всего лишь фобия, то есть устоявшаяся реакция на негативный только для вас стимул. Вы навязали себе это психическое состояние и по каким-то причинам не хотите или боитесь от него избавиться.

– И что же со мной делать?

– Методик много. Можно найти гипнотизера, и он будет долго копать в вашем подсознании, проводя необходимую коррекцию. Беда только, что большинство людей, берущихся лечить при помощи гипноза, – откровенные шарлатаны, а остальные, хоть и владеют методикой, не во всех случаях оказываются эффективны. Можно заняться арт-терапией. Любите рисовать и лепить из пластилина?

Миша помотал отрицательно головой.

– А что-нибудь более кардинальное есть? Таблетки там, уколы...

– Таблетки вряд ли устранили причину. Наиболее эффективна десенсибилизация, проще говоря, сближение с объектом страха. Я же сторонник импловивной терапии. Только весьма

нетрадиционной. Обычно вас заставляют раз за разом возвращаться к неприятным, даже болезненным воспоминаниям, я же предпочитаю идти вперед. Пациент переживает *настоящий* стресс, и его слабость становится его же преимуществом. Изгой становится героем.

– Нагбните целую комнату напудренных Дракул с факелами?

– Это слишком примитивно. Ведь вне контакта с упомянутыми объектами вы прекрасно понимаете, что никакой реальной опасности они для вас не представляют. Более того, никаких преимуществ перед субъектами, не имеющими этих фобий, у вас не будет. Речь идет об обстоятельствах, которые одинаково опасны для всех. Как вы смотрите на групповую терапию?

Миша усмехнулся:

– Ага. Сядем в круг. Каждый встанет и, заикаясь, проямлит: «Я боюсь какающих кошек и бабушек с тележками в метро. Я – полный идиот». А остальные похлопают.

– Группа из двух человек вас устроит?

* * *

Лариса позвонила через неделю в разгар совещания. Миша как всегда забыл выключить телефон, и вынужден был виновато закатывать глаза, глядя на коллег, и отвечать невнятными междометиями.

– Хочу познакомить вас со вторым участником группы. Перед тем, как мы начнем коррекцию, вы должны получше узнать друг друга. Лучше делать это в привычной обстановке. Так что сегодня в восемь у вас дома.

И она повесила трубку, не дожидаясь ответа.

«Откуда она знает мой адрес?» – подумал Миша, но надо было голосовать по бюджету, и мысль повисла в воздухе.

* * *

Сигнал домофона заверещал ровно в восемь. На маленьком экране была видна только женская шляпа. Широкие поля закрывали и лицо, и часть окружающего пространства. Фактор недоверия нейтрализовался скромным бантиком на тулье, и Миша без колебаний открыл дверь парадной. «Вот как надо банки грабить, – подумал он. – Маленький бантик, и дверка откроется...» Полез в ящик за тапками для гостей и задумался: «Кто второй участник? Какой у него размер ноги?» В этот момент дверной звонок заиграл оду «К радости». Погремев замком, открыл дверь. На пороге стояли Лариса в огромной черной шляпе и блондинка кукольной внешности. Обе в легких летних плащах и лаковых туфлях на шпильках. «Где-то я эту Барби уже видел... – задумался Миша. – Да это же молодая жена Волчегурского. Вот так „участник группы“!»

Вопрос с тапками сразу отпал. Шурша плащами, дамы, не здороваясь, проследовали в гостиную. «Ясен пень, – понял Михаил, – в модных лофтах прихожих не бывает». С сожалением поглядев на свои домашние шлепанцы, двинулся за ними. Гости уже успели расположиться на диване. Плащи были брошены на кресло, а на журнальном столике лежали принесенные ими пластиковые контейнеры.

– Михаил, мы принесли суши и sake. У вас найдется подходящая посуда? – Лариса сняла шляпу и аккуратно пристроила ее на спинке дивана.

Вид «участников групповой терапии» немного обескураживал. «Маленькие черные платья» были такими маленькими, что можно было без труда любоваться кружевными резинками чулок на стройных ногах. Минимализм в одежде слегка компенсировался длинными перчатками из красной лайки, которые Лариса так и не сняла. «Если это и есть обещанный стресс, то я не против», – ухмыльнулся про себя Миша и отправился на кухню за посудой.

– Мне – стакан воды, – донесся голос Ларисы из комнаты. – Я за рулем.

«Из чего пьют саке? По-моему, из маленьких фарфоровых чашечек». Немного подумав, взял кофейные и захватил мисочку с горячей водой – греть саке.

– Миска для омовения рук? – удивилась Лариса.

– Горячая вода для саке.

– Михаил, греют только дешевые сорта. Хорошее *гиндзё* подают как белое вино – охлажденным, – она потрогала маленькие бутылочки на столе. – Надеюсь, не нагрелось. Ну, давайте знакомиться. Михаил, это – Виктория. Виктория, – это Михаил.

– Можно просто Миша, – он первым протянул пятерню, давая понять, что целования рук не предвидится.

Не заметив протянутой руки, Виктория налила себе из бутылочки и подняла кофейную чашку как бокал.

– Миша, ты знаешь, как правильно пить саке?

– По-моему, чашку надо держать двумя руками.

– Ну, что ж, – она снисходительно улыбнулась, – можно и двумя. Но самое главное – надо за три глотка выпить ровно половину своей порции, а потом поменяться с партнером и допить его саке тоже тремя глотками. Это позволит стать ближе и лучше чувствовать друг друга, – Виктория хищно облизнула верхнюю губу и оставила рот приоткрытым, обнажив маленькие острые зубы. – Наливай себе.

Пить саке в три глотка оказалось совсем несложно. Поначалу Миша старался не касаться губами края чашки со следами помады, но после третьей порции расслабился и, распечатав деревянные палочки, приготовился есть суши.

– Подожди, – Виктория тоже схватила палочки со стола, – я сама тебя покормлю.

Ловко ухватив комочек риса с крабом, она обмакнула его в соевый соус и, перегнувшись через стол, протянула зажатое между палочек лакомство Мише. При этом вырез ее платья оказался на уровне его подбородка. Ткань слегка провисла, и там, в глубине, после двух маленьких грудей, за полумраком живота стали видны аккуратные черные трусики. Судорожно сглотнув, он заставил себя сфокусировать взгляд на суши в ее руке и покорно открыл рот. В течение следующего часа Миша утратил всякую инициативу, и это ему нравилось. Он только успевал разливать саке себе и Виктории и покорно ел с ее рук. Она же говорила без умолку, глядя ему прямо в глаза. При этом успевала кормить хозяина и пить очередные три глотка. Лариса за все это время не притронулась к еде, а только наблюдала за ними с ироничной улыбкой, держа стакан с водой в руке, обтянутой красной лайкой.

Неожиданно Виктория отложила палочки, встала и подошла к полке с музыкальным центром. Перекинув длинным ногтем несколько стоящих на подставке дисков, она вытащила один

и вставила в проигрыватель. Раздались знакомые пронзительные флажолеты. «Надо же – Тома Уэйтса выбрала, – с одобрением подумал Миша, – Blue Valentines. У девочки есть вкус». Виктория начала плавно извиваться, положив ладони на бедра и слегка приподняв без того короткое платье.

– Михаил, – раздался вдруг голос Ларисы, – вы не приготовите нам кофе?

С сожалением оторвав взгляд от танцующей Виктории, он направился на кухню. От выпитого саке и какой-то двусмысленности происходящего сосредоточиться никак не получалось. Сначала не мог вспомнить, где лежит «гостевой» молотый кофе (сам он, ленись, по утрам пил растворимый), потом уронил банку на пол, короче, в комнату Миша вернулся минут через пятнадцать. Стараясь не расплескать горячий напиток, он сосредоточенно смотрел на поднос с чашками. Благополучно донес его до стола и только теперь поднял взгляд на гостей. От того, что предстало его взору, неожиданно пересохло во рту и сердце начало биться где-то в районе кадыка. Практически обнаженная Виктория (на ней оставались лишь черные чулки) лежала на диване лицом вниз, а Лариса, подобрав повыше подол платья, сидела у нее на спине и старательно массировала ей плечи. Тонкие пальцы в красных перчатках зловеще смотрелись на молочно-белой коже. Посуда была сдвинута в сторону, а на черной стеклянной крышке стола хорошо были видны три аккуратные дорожки белого порошка. Постанывая от удовольствия, Виктория повернула голову в его сторону, провела по нему рассеянным взглядом и мечтательно улыбнулась.

Миша не был ханжой, но к наркотикам и спайсам относился крайне отрицательно. Не отрывая взгляда от соблазнительных ямочек на крестце лежащей девушки, он неодобрительно покачал головой.

Лариса начала нежно поглаживать позвоночник Виктории.

– Вы ведь палочки не использовали? Не дадите мне вашу?

Миша взял палочку и протянул ее Ларисе. Обхватив ее пальцами словно карандаш, она начала аккуратно водить тонким кончиком по ушной раковине Виктории, точно повторяя внутренние изгибы маленького девичьего уха. Сережка с аккуратным брильянтиком слегка подрагивала в такт движениям. Двигаясь по спирали к центру, достигла отверстия и замерла. Наклонившись над столом, Лариса взяла фарфоровую чашечку, из которой гостя и хозяин по очереди пили саке, надела ее на свободный конец палочки и неожиданно резким движением кулака загнала ее словно гвоздь в ухо Виктории почти на всю длину. От раздавшегося мягкого хруста у Миши потемнело в глазах. Затылок блондинки дернулся вверх, но, схватив ее за волосы левой рукой, Лариса удержала голову девушки на подушке. Пальцы ног, обтянутые черными чулками, несколько раз судорожно сжались, а из пробитого уха на ткань дивана толчками выплескивалась темная кровь.

– Ч-что вы сделали? – не веря своим глазам, прошептал Миша.

– Я? – Лариса, стараясь не испачкаться, слезла с затихшей Виктории и вставила ноги в туфли, стоявшие у дивана. – Меня здесь вообще не было. Пришла невинная девушка в шляпе, ты ее напоил, одурманил кокаином и в порыве страсти убил извращенным способом. А мне, пожалуй, пора.

Она вытащила из сумки шелковый платок и большие темные очки. Несколько движений у зеркала, и эффектная прическа-каре скрылась под тканью, а половина лица оказалась прикрыта темными стеклами.

– Ку-куда вы? – прохрипел Миша. – Надо скорую...
– Не советую. Ей уже не помочь, – она еще порывалась в сумке. – Вот тебе телефон с эстонской сим-картой. Свой лучше отключи – вычислят.
– Кто вычислит?
– Те, кто будет тебя искать. Сумеешь продержаться до завтра – жди звонка. Ну, удачи, – положив телефон на столик в прихожей, она подняла воротник плаща, вышла на лестницу и закрыла за собой дверь.

Миша зажмурился. От выпитого саке кружилась голова. «Сейчас открою глаза и увижу пустую комнату. Это все какая-то мистификация или сон. Этого просто не может быть...»

Резкий сигнал домофона заставил его вздрогнуть. Он обернулся в сторону дивана. Обнаженная Виктория по-прежнему лежала без движения. Только кровь из ее уха уже не вырывалась толчками, а стекала медленной струйкой. На столе в беспорядке лежали остатки трапезы и белели три аккуратные дорожки. Из динамиков хрипло шептал Том Уэйтс. Дополняла композицию шляпа Ларисы на спинке дивана. Снова раздалась трель домофона. На ватных ногах он дошел до прихожей и уставился в маленький экран. На этот раз посетителей было хорошо видно. У дверей парадной ожидали двое здоровяков в черных костюмах. Камера слегка расплющивала лица и делала выпученными глаза, поэтому две головы – одна выбритая, как бильярдный шар, а другая – с набриолиненным ежиком и бородкой-эспаньолкой, смотрелись довольно забавно. Но Мише было не смешно. «Охранники Волчегурского, – моментально сообразил он. – Лучше не открывать». Ноги подгибались, и он присел на табуретку в прихожей. Домофон продолжал надрываться. Внезапно экран перекрыла открывающаяся входная дверь. Видимо, выходил кто-то из соседей. Здоровяки посторонились, а потом решительно вошли в парадную. Через минуту послышались шаги за дверью и прозвучал дверной звонок. Михаил не шелохнулся. «Парень, лучше открывай. Мы знаем, что Вика здесь», – хриплый голос из за двери был хорошо слышен. В дверь постучали кулаком. «Не дури, – раздался второй голос. – Лучше сразу открой. Хуже будет». Снова постучали. «Саня, – донеслось с лестницы, – тут клиент закрылся и молчит. Пришли специалиста с инструментом. Дверь железная, но, похоже, китайская. На пять минут работы». Миша на цыпочках прошел обратно в комнату и выключил проигрыватель. Наверное, не стоило этого делать, так как стук кулаков в дверь сразу возобновился.

Что делать?.. Звонить в милицию?.. Голый труп на диване, кокаин, следы трапезы и, самое главное, везде его отпечатки пальцев. Даже на палочке, торчащей из уха Виктории. Дверь, понятное дело, скоро вскроют... Есть путь через соседскую лоджию – с нее можно перелезть на балкон чужого подъезда. Однажды он уже проделал половину этого пути – от соседа к себе, когда захлопнул дверь, забыв дома ключи. Будут искать... Но как? Он здесь не прописан. Квартира съемная, и, естественно, без договора (хозяйка второй год медитирует на Гоа). На контакт она не выходит. Каждый месяц Миша просто кладет на ее банковскую карту деньги за аренду и оплачивает счета в сберкассе. В любом случае, надо бежать. Когда сюда ворвутся эти мордовороты, будет поздно.

Миша оглянулся вокруг. Что взять с собой? Естественно, все документы и личные фотографии. Слава Богу, квартира маленькая, минимум мебели – все лежит в ящике комода. Права и документы на машину – в прихожей. Сунул ноги в кроссовки – в них удобнее будет лезть на чужую лоджию. Схватил дорожную сумку, сгреб в нее документы из ящика, потом вернулся в прихожую и после некоторых раздумий прихватил оставленный Ларисой телефон. Стараясь не смотреть на лежащее ничком тело, запустил руку под диван и вытащил из под пружины припрятанную наличность. Сумку повесил по-почтальонски через плечо и распахнул окно. Ручкой швабры уперся в стеклопакет соседской лоджии. Сосед постоянно курил, и поэтому просто

прикрывал раму, не используя фиксатор. Немытое стекло зазвонело и отползло в сторону. В это время из прихожей донесся лязг ножниц по металлу. Дальше медлить было нельзя. Миша встал на подоконник и перешагнул полметра высоты, отделяющей его от территории соседа. Спрыгнул внутрь, опрокинув банку с окурками на пол. «Если что, скажу замок сломался», – решил он. Прошел к другому концу лоджии и отодвинул тяжелую раму в сторону. Расстояние до балкона соседнего подъезда было около метра. Здесь перешагнуть не получится... Надо прыгать. Миша перебросил сумку за спину и резко оттолкнулся правой ногой от подоконника. Аккуратно приземлился на крохотном балкончике, не задев ограждения. Поймал себя на том, что страха даже не почувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.